

ИСХОД [22:18]: «ВРОЖЕЙ НЕ ОСТАВЛЯЙ В ЖИВЫХ»

ТРИСКААЗ

П. В. КОКРАНОВ

18+

Павел Кокранов

Трисказ

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кокранов П. В.

Трисказ / П. В. Кокранов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Есть множество причин начать историю миров Короны Ашшура именно здесь. В месте, в котором непреодолимое желание приводит к необратимым последствиям, в котором раскрываются истинные намерения, в котором беда не приходит одна, в котором добро не побеждает, и в котором каждый делает свой выбор. В это чудесное время для страны и не менее чудесное утро для ее столицы по улице Стромынка от Большой Черкизовской к Русаковской шла девушка. Ее прямые рыжие волосы распускались по ветру, который дул с юго-запада...В оформлении обложки использовано изображение, специально созданное для данного произведения. Автор Valleri Lants.

© Кокранов П. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Трисказ	5
Сказ 1. Авалон	5
Сказ 2. Фата-моргана	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Трисказ

Сказ 1. Авалон

В удаленной от города деревне, окруженной широкой лесополосой, сквозь которую пролегало две дороги – одна основная, а вторая – заброшенная, стоял дом. Строил его человек широкой души, как говорится в народе, гостеприимный, и потому он был огромен. Два этажа, пятнадцать комнат, четыре уборные и душевые. Огромная кухня и в два раза больше гостиная. Прибавьте к этому территорию с двумя газонами, яблоневым садом и елями, и вы получите то представление о доме, которого достаточно для первого знакомства с ним. Скажем еще, что внутреннее убранство этого кирпичного сооружения было весьма просто и незаурядно. Дощатый пол, обои на стенах с узорами, одинаковые люстры в каждой комнате, одинаковая мебель. Этот дом красило не убранство, а люди, что приезжали в него жить.

Случалось это каждую весну, примерно в одно и то же время. Все родственники доброго человека приезжали, чтобы возделывать землю, посадить картошку, бахчи и прочие культуры, обеспечивая себя, тем самым, пищей на весь будущий год. Кто-то из них оставался на все лето, кто-то – на месяц, а кто-то регулярно уезжал и приезжал каждую неделю. Но дом в это время года никогда не был пуст.

И вот, когда солнце уже стало греть, а не пригревать, когда на деревьях едва показались первые листочки, в дом постучали, и хозяин открыл. На пороге стояли тетушка Ира и дядюшка Гена, двоюродный брат Олег с супругой Леной и детьми Сашей и Мариной, младшая сестра Анна с женихом Виктором, старшая сестра Валя, племянник Данила с сестрой Машей, двоюродная сестра Мирослава с мужем Леонидом и пятью детьми погодками Петром, Павлом, Полиной, Паной и Правдой, троюродный брат Михаил с отцом Константином, всех их встречал хозяин и двое его детей: старший сын Глеб и младшая дочь Софья, нянечка Аглая и нянечка Рита. Каждый из гостей занял свою комнату: взрослые разместились на первом этаже, а дети – на втором. Вечером за ужином все собрались в гостиной. Ели, пили и пели песни. Дети, разумеется, были отправлены спать после десяти, но спать они вовсе не собирались.

Как только ушли нянечки, старшие подали знак, и тоненькими ручейками из комнат все, кто не поддавался колыбельным, побежали в залу второго этажа. Кто-то забрался на диван, кто-то – на подоконник, а кто-то и вовсе разлегся на полу – в зале было много места. По периметру стояли шкафы с книгами, а из окна открывался вид на озеро. В тот день в нем отражалась полная луна.

– Знаете, что я узнал в этом году? – Глеб стоял в самом дальнем углу комнаты спиной ко всем.

– Не нужно этого рассказывать! – всколыхнулась его сестра Софья.

– Нужно!

– Но не сегодня, давай? Лучше днём, завтра.

– Нет! Проголосуем. Кто хочет знать тайну сегодня – поднимите руку! – из восьми собравшихся руку подняли шестеро.

– Так тому и быть, – Глеб зловеще осмотрелся, – только чур никому дальше этой комнаты. Поклянитесь! Каждый, – ребяташки, как один, все, кроме Софьи, вторили: «Клянусь!» – Последняя насупилась и уселась в дальний угол дивана.

– Этот дом здесь построили неспроста, – начал Глеб, – раньше на этом месте тоже стоял дом. И принадлежал он смотрителю кладбища. Когда-то на этой земле было место захоронения, а в доме, что стоял на границе кладбища, жил мой пра-пра-прадед. И отцу моему земля

эта досталась по наследству. Но самое интересное другое. Помимо того, что мы прямо сейчас окружены сотнями могил, истлевшими трупами и неупокоенными духами, есть нечто более зловещее. По легенде, в том доме, где жил могильщик, было всего три комнаты, и при этом одна всегда была крепко-накрепко закрыта. На входной двери не было замков и засовов, а на двери в ту комнату было четыре замка, два засова, при этом она была заколочена досками и обтянута толщиной в большой палец ноги цепью, и закрыта на ключ, который мой пра-пра-прадед носил на шее. Что примечательно, замочная скважина была замазана глиной так, что никто не мог заглянуть внутрь комнаты через нее. Немного людей побывало в том доме, но были те, кто разнес слухи о тайных сокровищах в этой комнате. И однажды охотники за этими сокровищами пробрались в дом, убили могильщика, но дверь они так и не смогли открыть. Лишь расковыряли глину в замочной скважине и заглянули туда. Сначала один, а потом второй. И оба упали замертво с гримасой ужаса на лице, – Глеб осмотрел всю комнату. Дети слушали его затаив дыхание. А на последних словах вздрогнули. Лица их были испуганы.

– А самое интересное то, что через много-много лет мой отец на том же самом месте построил этот дом. И в нем тоже есть одна закрытая комната. В отличие от остальных, на ней три замка, да и выглядит она поувесистей. Но главное – замочная скважина в ней замазана глиной. Готов кто-нибудь проверить легенду и заглянуть туда?

– Нет, нет, нет! Это слишком жутко, – Саша заерзал на диване, – ты в этот раз сильно перегнул со страшилкой.

– Он дурачится! – крикнула Софья. Комната закрытая есть, но отец хранит там охотничье оружие, поэтому там три замка.

– Уверена? – ехидно улыбнулся Глеб. – А скважина замочная почему глиной залеплена?

– Ну и дурак же ты. Чтобы никто не знал, что там оружие. Вдруг захочет туда пробраться злой человек или ребенок, и беда будет.

– Так ты видела, что там в комнате?

– Нет.

– Тогда откуда такая уверенность? – Глеб наступал.

– Я разговор слышала, – по Софье было видно, что детали разговора она упоминать не хочет.

– Так значит, разговор. Ну раз ты так уверена в своей правоте, может, пойдешь и взглянешь в дырочку?

– А вот пойду и взгляну! И ничего мне за это не будет!

Пришлось подождать, когда взрослые разойдутся и лягут спать. Когда все звуки внизу стихли, Софья встала и вышла из зала. За ней ручейком потянулись все остальные.

Комната располагалась в дальней части дома, рядом с котельной, которой отапливался дом. Напротив нее был коридор, который вел в кухню, но им пользовались редко, так как в нее было проще попасть из другой части здания. Соседней с ней комнатой была кладовая. Словом, без надобности в эту часть дома не заходили.

В доме царил тишина. Лишь осторожные детские шажки нарушали ее, но делали это очень аккуратно. Впереди шла Софья. Она знала каждую скрипучую доску в этом полу и перешагивала там, где это было нужно, остальные шли по ее следам, мимо гостиной, спальни родителей, спальни Анны и Виктора, мимо спальни нянечек, и, наконец, они миновали кладовую. Возле заветной двери все встали в полукруг.

– Вот отвёртка, – прошептал Глеб и протянул инструмент сестре.

Глина оказалась неподатливой, словно это и не глина была вовсе, а камень. Она откалывалась маленькими крупичками, если откалывалась вообще. Раздосадованная Софья надавила со всей силы на материю внутри замочной скважины, отвёртка неудачно соскочила и полос-

нула по руке. Брызнула кровь. Инструмент упал на пол, наделав шума. Девочка взвизгнула, но быстро осеклась, и, заглушив голос, зашипела от боли.

– Давайте уходить, – предложил Петр.

– Нет! Я в порядке, – Софья оправилась от боли. – Слышите? Кругом тихо. Я продолжу.

Она подняла с пола отвёртку. Ковырять стало гораздо проще, но Софья не предала этому большого значения. Вскоре отвёртка пробила «то ли глину, то ли нет» насквозь. Все замерли.

– Посвети фонариком, – сказал Глеб, но Софья рукой отвергла протянутый ей источник света и, прильнув одним глазом к отверстию, всмотрелась в темноту, непроглядную, густую, пугающую. Было странное чувство, как будто смотришь в глаза живому человеку, растворяешься в них и утопаешь, при этом с каждой секундой узнавая друг друга все лучше и становясь одним целым. Софья тонула во тьме, она становилась ею. От этого захватывало дух, кружилась голова. Ей показалось, что тело ее стало невесомым, ноги оторвались от дощатого пола, и она воспарила. Что происходило за ее спиной? С детьми, братом Глебом – она не видела, да и это мало ее волновало, ведь она куда больше, чем переживания, обиды, амбиции, мечты, надежды, желания, страхи. Она – Тьма. А Тьма – это она. А это значит, что в комнате их уже двое.

Опустившись на пол в незнакомом пространстве, София осмотрелась. Ей было видно все, как при солнечном свете. Помещение загадочной комнаты оказалось небольшим и наполненным огромным количеством вещей, однако при этом не создавалось впечатления бардака. По правой стороне стена изобиловала оружием, София не слишком разбиралась в нем и смогла отметить ружья, арбалеты разных размеров, ножи и топоры. Много было причудливых приспособлений, как ими пользоваться – девочка могла только гадать. На этой же стене было несколько черепов животных и гобелены со странным гербом, который она уже видела на папином перстне. Крест с кругом посередине напоминал прицел. На полу вдоль стены стояли сундуки. Замков на них не было, но девочка не спешила их открывать и продолжила осматриваться. У стены по левую руку от нее стоял увесистый резной письменный стол, заваленный бумагами, странного вида свитками, книгами, пожелтевшими газетами. У стола стоял стул, который вполне можно было назвать треном, будь он чуточку побольше. Его изголовье украшали две маленькие гаргульи. Над столом висела карта, истыканная цветными иголками, подписи на ней были на неизвестном Софии языке. На той же стене, что и карта, висело несколько портретов в толстых резных багетных рамках. На них были изображены мужчины, каждый обязательно был с оружием в руках.

Софии попало на глаза решетчатое окно, но она не могла вспомнить, чтобы с улицы в этой части здания было такое. Неуверенность в этом заставила ее отвлечься, и она не заметила, как за ее спиной из легкой дымки соткалась фигура женщины. Сначала только очертания тела, худощавого и жилистого, затем очертания лица с впалыми глазами и ярко выраженными рогами на лбу и, наконец, из тумана раскинулись два перепончатых крыла. Существо взвыло. Оно стояло так близко к Софии и кричало так громко, что она подумала о последнем миге своей жизни. Ей показалось, что этот миг настал. Парализованная страхом, она не могла пошевелиться. Крик понемногу стихал, и появилась возможность повернуть голову, но София не спешила. Она была ещё жива и предпочла придерживаться тактике неподвижности до тех пор, пока паралич ее не отпустит. Такой момент настал очень скоро, и, поставив на кон все, отважная девочка решила совершить маневр и юркнуть к двери. Она рванулась влево, одним шагом оказалась за спиной монстра, вторым – оттолкнулась, чтобы прыгнуть в сторону двери, но ногу повело, и София всей своей небольшой массой рухнула навзничь.

И тут глаза ее открылись. Она увидела привычный потолок в побелке и люстру. Сердце ее колотилось бешено, руки вспотели, прядь черных волос прилипла ко лбу. Вдруг она услышала голос брата – он говорил с кем-то.

– Они уснули. Выдвигаемся. Только тихо, все идут за мной нога в ногу, я знаю каждую скрипучую доску в этом доме наизусть.

София поняла, что спала все это время, а то, что ей привиделось, было, вероятно, смесью всех переживаний последних дней: страшилки брата, странного разговора отца с незнакомцем, падения с самоката, а чудище она сравнила с учительницей по русскому языку. Объяснив все себе самой, она успокоилась и на удобном диване перевернулась со спины на бок. Комната была пуста – все пошли проверять легенду о странной комнате. Тут на Софию накатило странное чувство: «А вдруг ей не почудилось?» Проверить это можно было, только спустившись вниз к остальным. Нахлынула паника. Она не хотела знать правду, особенно если правда могла оказаться такой пугающей, такой, как во сне. Любопытство и страх вступили в неравную схватку, в которой первое чувство одержало верх над вторым, и девочка, захватив с полки первую попавшуюся книгу (так сделать подсказывала ей интуиция), засеменила по лестнице вниз. В темноте пугало все, от страха София промахивалась и наступала на скрипучие доски, от этого пугаясь еще больше. Но вскоре звуки знакомых голосов приблизились, и ей стало поспокойнее.

– Попробуй снизу!

– Сильнее дави!

– Да не шумите вы так! Разбудите, – это Глеб. Кому принадлежали другие голоса – София не могла точно сказать.

– Давай, принеси молоток!

– Ты сдурел? – Снова голос Глеба.

– А чё?

– Да ничё! – Тшшшшшш! Идёт кто-то, – голоса затихли.

– Это я, – поспешила оповестить ребят София. Ну как тут у вас?

– Плохо, – Глеб выдохнул. – Чем-то залеплен замок, не можем расковырять. Похоже, что не глина.

– Понятно, – протянула София как можно спокойнее, хотя внутри у нее бушевала буря.

Были догадки, и от них сердце едва не выпрыгивало наружу. Было страшно и любопытно одновременно. – Попробуйте ударить разок. Не получится – сразу разбежимся по комнатам.

– Ладно, но только разок. Я за молотком, – Глеб вернулся быстро. – Давайте без дурости. Один удар и бежим наверх. Все усекли? – раздалось угуканье. – Ударю я сам. Разойдитесь!

Никто не заметил, как София потихоньку зашла за спину Глебу и встала слева от него чуть поодаль, очень близко к коридорному шкафу – так ее стало почти не видно. Прогремел удар, результата он не принес. Отвертка отскочила, упала на пол с грохотом, дети бросились бежать прямо по коридору и вверх по лестнице. А внизу, тайком ото всех, осталась София. Она открыла книгу на первой попавшейся странице, одной рукой натянула ее, а указательным пальцем второй резко провела по ней. Потекла кровь. Палец с ранкой она поднесла к замочной скважине и прикоснулась к «неглине», затем поскребла ногтем, совершенно без усилия, и из замка тонкой струйкой потек песок. Отверстие для ключа было свободным. В него даже можно было заглянуть при желании. Вот только теперь София испугалась настолько, что и не помнила, как пробежала весь коридор, лестницу и оказалась в своей комнате под одеялом. Всю ночь она шарахалась от любого звука и тряслась от страха. Ей казалось, что страшная сущность вылезла из комнаты и рыщет по дому в поисках. А ещё ей было страшно оттого, что завтра отец поймет, что произошло, и будет ругать. Наконец, когда из-за леса показались первые лучи солнца и запели соседские петухи, София заснула и проспала до обеда. Ей снилось море.

Сказ 2. Фата-моргана

Холодный ветер нес аспидные тучи над взморьем. Волны бились о безмолвные, принимающие любую участь как данность, скалы. На горизонте сверкнула первая молния. Надвигалась гроза, явление настолько редкое для этого места, что ее приход был праздником для людей, живущих здесь, на Краю Мира, в Твердыни Ашшур. В эти дни у них нет работы, а значит, они могут заниматься, чем пожелают. Сложно представить постройку более величественную, чем каменный исполин на берегу Великого Океана. Шпили его башен пронзали облака, и редкие обыватели, которым довелось его запечатлеть, считали, что он мог бы дотянуться до светил. Чтобы дойти из одного его конца в другой, нужно было потратить день, а чтобы узреть Ашшур целиком, нужно было уплыть за горизонт. Здесь, под сенью Негаснущих Солнц, в объездах Великого Океана, жили Служители Твердыни, отрекшиеся от мирской жизни, выбравшие путь сложный и тернистый, взвалившие на себя ношу, непосильную ни одному живущему, и получившие за все свои труды и лишения дар. Эти приверженные своему делу, поистине уникальные создания распорядились им, как и подобает Слугам. Отдались воле его истово и фанатично. Даром тем была жизнь, превышающая век простого человека в разы. Никто не знал истинного предела долголетия, по одним слухам, Старейшинам Твердыни около шестисот лет, по другим – за тысячу. Известно одно: Твердыня была построена людьми в эпоху Тангата Ке. А вот в начале ее или в конце – не знает никто. Седьмое светило ушло с небосвода, вместе с ним ушли и люди той эпохи, оставив после себя лишь каменного исполина и Заветы Служения, по которым и по сей день живут их потомки.

Раскаты грома становились сильнее, стены Твердыни осыпали капли холодного ливня, Служители Ашшура покидали Залы, полы их черных ряс неторопливо скользили по смарагдовому мрамору. Уже за дверью раздались первые голоса.

– Третья гроза в этом семестре! За свои добрые два века не припомню такого.

– Да, природа разбушевалась не на шутку. Какие планы?

– Я посплю, последние дни чистил у читающих повторы Иллюзий. Их что-то много больше обычного. Глаза очень устали, и голова гудит, нужно как следует отдохнуть.

– Хорошо, увидимся тогда на Кхарахте?

– Да.

– А сколько было повторов?

– Шестнадцать.

– Ого!

– Это только по одному звену.

– Немыслимо. Отдыхай, брат.

– А ты?

– Я спущусь к Черным Камням.

– И что ты только в этом находишь? Опасно же.

– Я люблю дождь. Не могу пропустить.

– Дело твое, но, видит Ашшур, лучше б поспал.

Те, кому принадлежали голоса, растворились в общей массе Служителей, которая двигалась вниз по винтовой лестнице. По мере продвижения она становилась все менее густой, а к нижнему ярусу и вовсе дошел всего один человек. Он спрыгнул с последней ступеньки и припустился по широкому коридору. Дойдя до того места, где он разветвлялся на два, один из которых вел в северную часть Твердыни, а второй – в южную, человек повернул налево, на север и примерно через полчаса достиг незаметного ответвления. Проход, узкий с низким потолком, привел его к небольшой дверце. Загремели ключи в руках у Служителя, щелкнул

замок, дверь открылась, но с трудом – с той стороны на нее налегал ветер. Стихия уже всюду бушевала над Твердыней, молнии одна за одной били в океан, они стали невольными свидетелями того, как на утес вышел человек в черной рясе, снял свой капюшон, расправил руки и принял на себе всю силу потоков ветра и дождя. Он что-то кричал стихии и смеялся, словно сумасшедший, но молниям этого было не понять. Промокнув насквозь за несколько минут, человек опустил руки и присел на голый камень. Теперь взгляд его был направлен в иссиня-черную пучину океана. Он что-то шептал. Но шепот тот был едва слышен ему самому. Достоверно известно одно: этот шепот был благоговейным и преисполненным священного трепета перед тем, что сильнее его и всех живущих, перед великой природой – стихией. Затем случилось следующее. Не то что молнии, а ни один живущий в этом мире не смог бы объяснить происходящее. Человек вдруг замолчал, резко перевернулся и грудью лег на холодный камень. Было видно, как он что-то высматривает. Затем он, вопреки здравому смыслу, схватил брошенную мокрую рясу, вскочил, побежал правее вдоль кромки утеса и в той части, где он был более или менее пологим, стал спускаться по острым скользким камням напрямик вниз, к бушующему океану. Пару раз он едва не сорвался, но в итоге спустился туда, куда дотягивались гребни волн. В него то и дело летели брызги, и каждый удар волны об утес мог стать для него последним. Человек ждал одну волну, вторую, третью. Затем, когда вода уходила вниз, пробирался налево, и наконец замер возле торчащей из скалы ветки, скрутил рясу, словно веревку, и привязал один конец к ветке, а второй – к правой руке. Волна ударила еще три раза, а на четвертый человек сделал стремительный рывок ей навстречу, погрузившись в нее почти всем телом, при этом ряса натянулась, но выдержала вес Служителя. Вынырнул он с чем-то красным в руках. Обратный путь вверх дался большой ценой. Руки были стерты в кровь, на теле были ушибы и кровоточили бесчисленные ссадины, но он все еще был жив, стоял на твердой земле, однако недолго. Его пошатнуло, повело вправо, повалило наземь, а взгляд его, несмотря ни на что, все ещё осознанный, устремился в небо. Было не видно из-за туч, но на небосвод взойшло четвертое светило мира – Пурпур. А это значит, что в общей зале Ашшура начался Карахт, традиционная трапеза, единственная за сутки, длившаяся от прихода четвертого до захода шестого светил.

Во время грозы в трапезной было больше людей, чем обычно. Все касты спускались сюда и занимали места за столами. В конце залы за узкими столами ютились Посвященные – низшая каста Ашшура, самый большой стол занимали в центре залы представители средних каст: Смотрящие, Читающие и Хранители Архива. За столом, во главе, восседала высшая каста Настоятелей. Но был ещё один стол. Он стоял перпендикулярно остальным и был также сервирован, как и остальные, однако за ним никто не сидел. Это был стол Старейшин. По меньшей мере последние шесть сотен лет он пустовал. Тем не менее, каждый Карахт его сервировали и верили, что настанет день, когда двери Комнат Забвения откроются и Старейшины явят себя слугам Ашшура. Сегодня этого не произошло, и стол был пуст, а еще было пусто место рядом со Служителем Годми, которое обычно занимал его сосед по келье Аиир. Первому это показалось странным, и, прихватив с собой ещё одного брата, он отправился на поиски. Они прождали недолго – рядом с седьмым северным выходом был обнаружен лежащий без сознания брат, в руках он сжимал что-то красное.

– Сбегай к Посвященным за носилками. Скорее всего, есть переломы, на руках не унесем, – скомандовал Годми. – И пусть у них подготовится врачеватель, да как следует. Скажи, что пострадал Служитель.

Собрать, не проронив ни слова, засеменял ко входу в Твердыню.

– Эка тебя угораздило. Говорил же! Не дело это – под грозой гулять, – Аиир не ответил. Он все так же лежал без сознания, и лишь изредка вздымающаяся грудь говорила о том, что он всё ещё жив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.